

Энергия постоянства

Экран и сцена - 1999 - ноябрь - 48 - 916

Виктор ГУЛЬЧЕНКО

На очередных Чеховских чтениях в этой вечно весенней, вечно неожиданной Ялте мы жили, как обычно, в Доме творчества писателей, что на улице Манагарова.

Он уже давно и, видимо, навсегда утратил былой блеск, этот старый и теперь полуразрушенный Дом в полузаброшенном парке, обретая все большее сходство с чеховской усадьбой Раневской.

Дивный мощный хор лягушек, вдохновенно квакающих прямо под окнами, в затынтом ряскою крохотном бассейне, способствовал тому, что ночи в этом Доме оказывались поистине бессонными.

Вернувшись в Москву и поделившись ялтинскими впечатлениями с Зориным, я неожиданно узнал, что жил как раз в том самом номере на третьем этаже, где он когда-то — не сочинил, нет, а выдохнул свою «Варшавскую мелодию».

Все пересекается в этом мире, даже параллельные!..

Уже позади была премьера «Варшавской мелодии» в Театре имени Пушкина, приуроченная к тридцатилетнему юбилею нестарющей этой пьесы.

Да, мы хотели отметить юбилей пьесы, а не человека. Мечтал же некогда Гаев отпраздновать столетие шкафа.

Пьеса сохраняла энергию нашей, а не чьей-либо иной жизни и с годами, кажется, обрела вторую молодость и похорошела.

Судьба зоринских героев, переживших **свою** love story много раньше персонажей знаменитого фильма Лелуша, была, в сущности, и **нашей** судьбой.

Зорин потому и воспринимается как поразительно **свой**, а не посторонний человек, что сам неотрывен от жизни, которую пишет и в которую вглядывается с непременными иронией и мудростью.

Мы поселяемся в Доме его персонажей близкими их родственниками, друзьями, добрыми знакомыми. Это Дом и нашего творчества — читательского, зрительского.

Премьера «Варшавской мелодии» показала, что нас не становится меньше. И уже новые поколения оказываются способными внимать переживаниям Гели и Виктора, хотя их теперь совершенно не интересует политическая подоплека сюжета. И слава Богу!

Зоринская пьеса о любви — чистейшая классическая мелодрама, и я не перестаю удивляться тому, что она до сих пор не перенесена на киноэкран.

«Покровские ворота» того же автора — один из немногих экранных бестселлеров, благодаря которым уже несколько десятилетий усаживаются перед телевизорами миллионы семей. Невозможно даже вообразить себе праздничные и предпраздничные вечера без «Иронии судьбы», «Служебного романа», «Старого Нового года», «Покровских ворот» и, конечно же, еще одной счастливой ленты — «Москва слезам не верит».

Что только уже не поменялось в допотопной нашей дер-

жаве — любое шило на любое мыло! — но пока будет телевидение, будут и эти картины, легко выдерживающие даже мощнейшие броненатиски рекламных клипов.

Это почти фантастическая ситуация: аудитория вышеназванных фильмов политически неделима. По эту сторону экрана мы продолжаем оставаться **вместе**, чувствовать себя гражданами несуществующей уже страны, мы сохраняемся не как человекоподобные существа, а как люди!..

«В наше время сказать о человеке, что он нормален, — значит сделать ему комплимент. А уж сказать, что он порядочен — уподобить его герою», — с горечью заметит Зорин еще в 50-е годы.

Эти строчки из дневника опубликованы в недавно вышедших «Зеленых тетрадах», книге, как и зоринская «Авансцена», итоговой. В семьдесят пять лет, пожалуй, уже можно писать мемуары и подводить итоги, если говорить о прожитом. Но ведь существует еще и **пережитое**,

больше того, **переживаемое** — у данной душевной материи более сложные отношения со временем. Это, кстати, роднит любую живую мысль с театром: запечатленная некогда на бумаге, живая мысль всякий раз воспринимается в **настоящем** времени, она именно сейчас, в конкретный день и миг входит в ваше сознание и начинает в нем незаметную свою работу.

«Зеленые тетради», которые читаются (и перечитываются) с истинным наслаждением **собеседника**, вместили в себя множество живых мыслей. «Зеленые тетради» не столько подводят итоги, сколько зовут в путь.

Вспоминается вновь осиротевший ялтинский писательский Дом, этот налетевший на житейские рифы корабль советской литературы. Сколько живых мыслей навечно погребено в его илистых сумрачных трюмах! Сколько призраков бродит по гулким его коридорам! Даже местность вокруг этого Дома российской словесности сменила язык, и уже

в музыке Чехова, один, всегда готовый киевский лингвист, улавливает все больше украинских мотивов... Доведись этим энтузиастам и далее «освежать» историю, они и татаро-монгольские звуки извлекают...

Лишь гордые самостийные лягушки продолжают квакать на своем родном лягушачьем... И море с бесстыдно поделенным флотом продолжает оставаться морем... И по ялтинской набережной как ни в чем ни бывало все еще прогуливается Дама с собачкой.

Зорин в «Зеленых тетрадах» вспоминает подаренный ему когда-то Эффелем рисунок: мышка в клетке, а хвостик — на воле. Горе нам, вкушившим свободы, вилать хвостом!..

Вернемся, однако, к живым, нестарющим зоринским мыслям. Ну, например, к такой: «Повтор обладает истинной поэтической силой. Уверен, что рифма начиналась, как анафора и, лишь пройдя долгий путь, повторила уже не смысл, а звук». Замечание порождает догадку, что, может, и самый знаменитый из чеховских звуков, «звук лопнувшей струны», пройдя долгий свой путь из вечности к планете нашей, повторил то, что уже когда-то было, **напомнил** об этом.

Есть книги **воспоминаний** и есть книги **напоминаний**. Не будем урезать в последних склонности к назидательности. Человеческая мудрость напоена напоминаниями.

«Звук лопнувшей струны» — это горькая правда памяти.

«Это весьма его удивляло, — напишет Зорин о будущем своем герое, — и только много позже он понял, что память стала дороже реалий. А в памяти жил не сам человек, но место, где случилась их встреча и где вдвоем они были счастливы».

Вернувшись на сценические подмостки, «Варшавская мелодия» тоже по-своему принадлежит правде памяти. История Гели и Виктора продолжается уже не на углу Герцена и Огарева и не на углу Свентокшиской и Нового Свята, а все там же — на перекрестке памяти. Даже не будучи продолженной, дописанной, история эта сегодня обретает новый объем: герои ее повзрослели в нашем сознании — вместе с ними повзрослели и мы.

Когда в Пушкинском театре шла работа над «Варшавской», увиделся, но, увы, не осуществившись такой вот пролог, он же и эпилог: по перрону Белорусского вокзала, вокзала Победителей, слоняется старенький бомж, никуда

новый конкурент сытых профессиональных носильщиков. Если не удастся чего-нибудь кому-нибудь поднести, он и пустую бутылку подберет или еще какую кроху с чужого стола скоммуниздит. И вот он привязывается к элегантно иностранной даме, упакованной во все меховое и кожаное, да еще и с многочисленным «фирмовым» багажом. Бомжа, разумеется, тут же гонят в шею. И Геля (а это все та же Геля, ныне знаменитая певица, решившаяся, экзотики ради, отправиться в Пекин транссибирским экспрессом), так и не успевает распознать в бомже Виктора. А может, кто знает, просто не захочет распознать.

Судьба распорядилась иначе. Зорин написал впоследствии «Варшавскую мелодию-2», где постаревшие его герои встречаются в транзитном зале международного аэропорта. Пьеса «Послевкусие», она же «Перекресток», с успехом идет теперь в театре. Бывали совпадения, когда в Москве сегодня на одной сцене шла «первая серия», а завтра на сцене другой — «вторая». Но по сию пору память продолжает тревожить тот самый предвечерний заснеженный перрон и фигурка одинокого старого бомжа, бесцельно мыкающегося на нем.

О написанном Зориным (а это пьесы, сценарии, романы, рассказы, эссе, мемуарная проза) продолжают спорить и размышлять, периодически он дарит благодарным читателям и зрителям что-либо новое. Всевышний и родители наделили Зорина завидной энергией постоянства, укротить которую неспособен даже его не вполне юный возраст.

«Надеть брюки», то бишь выйти в свет для него всегда событие, нуждающееся в серьезном обосновании. Аэропортовский отшельник продолжает существовать отдельно от истова «тусующегося» мира, только наивно будет предположить, будто он закрылся от жизни кремовыми шторами. Просто Зорин участвует в этой жизни так, как может и хочет сам, не опыняясь расхристанной свободой мышленного хвоста.

Вертеть хвостом — удел иных граждан, на недостаток которых родина пожаловаться не может.

«В нашей породе есть своя цельность, — с неизменной иронией заметит Зорин в «Зеленых тетрадах». — Дурни, оставшиеся в истории, и дурни, украсившие современность, протягивают друг другу руки. И умники, впрочем, немногим лучше. Все мы — провинциалы Вселенной».

Категорически неюбилейный человек, Зорин полностью осуществляет себя в своих непрерывных буднях, проживая их с усердием неисправимого оптимиста и прилежанием школяра.

Студенты Литинститута, перекладывая набегавшие в квартиру мастера, учатся у него не писать — **жить**. Какое же это увлекательное и какое трудное ремесло!